

и полемичность авторов не только не вредит научному анализу темы, но и придаёт ему широкое общественное звучание.

Сергей Войтиков: Империя в системном кризисе

Sergey Voitikov (Central state archive of Moscow city, Russia): The crisis-ridden Empire

Ещё в 1996 г. В.П. Булдаков и П.В. Волобуев указали на необходимость «рассматривать и революции 1917 г., и Гражданскую войну как часть системного кризиса империи»²². Именно так этот период и исследовался Булдаковым в дальнейшем. Написанная вместе с Т.Г. Леонтьевой «Война, породившая революцию», «Красная смута» и «Утопия, агрессия, власть» представляют собой своего рода трилогию — исследование-эпопею, посвящённую смутным годам нашей новейшей истории²³. Название книги Булдакова и Леонтьевой несколько уже её содержания. Речь в ней идёт не только о том, как «недовольство бессмысленной и бесперспективной войной легко трансформируется в ненависть к тем, кто на неё послал» (с. 538), но и о восприятии современниками военных и революционных обстоятельств столетней давности (с. 7).

Авторы представляют происходившее в годы Первой мировой войны как паноптикум вселенского масштаба, следствие тотального «поглупения» Европы (с. 10). Полагая, что «даже с учётом перспективы внутренней дестабилизации активное подключение России к мировому конфликту нельзя безоговорочно считать роковым актом, приведшим её к пропасти», ибо «всё зависело от гибкости системы, её способности сделать рывок в сторону модернизации, т.е. сбалансировать динамику развития с учётом потребностей войны», Булдаков и Леонтьева ставят перед собой амбициозную цель: «Задача историка — не только рассказать о событиях, но и показать, что таилось за их видимой поверхностью. Он обязан разглядеть то, что невозможно было увидеть его “героям”, а не тащиться в хвосте благоглупостей прошлого» (с. 20).

Констатируя, что «Европа уже давно — едва ли не со времён франко-прусской войны — балансировала на грани военного конфликта» (с. 14), авторы монографии не склонны объяснять столкновение великих держав их экономическим соперничеством или «сводить всё к непримиримости геополитических интересов Германии и Великобритании», хотя, «несомненно, судьбу Европы определяло поведение» именно этих государств. Со своей стороны, Булдаков и Леонтьева отмечают, что «даже малые страны и народы, эгоистично мечтавшие о собственных выгодах от мирового конфликта, смогли сыграть в развязывании войны непропорционально большую роль». Вообще же «судьбу войны и мира решил Его Величество Случай» (с. 14).

Вместе с тем, как полагают авторы монографии, «в том, что война смогла состояться, Российская империя сыграла немалую роль самым фактом своего существования» (с. 11). Как, впрочем, и Австро-Венгрия. Размышляя о Сараевском убийстве, авторы пишут: «То ли “случайная трагедия”, то ли “трагическая случайность” породила глобальный *casus belli*: проснулись имперские амбиции Австро-Венгрии, а Россия, отступив, одновременно

²² Булдаков В.П., Волобуев П.В. Октябрьская революция: Новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 29.

²³ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997 (изд. 2 — М., 2010); Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть...

и теряла влияние на Балканах, и роняла свой авторитет в глазах Антанты, отнюдь не обезопасив себя при этом от будущего столкновения с Германией. Любопытно при этом, что, словно осознавая нелепость повода, будущие противники до последнего момента не хотели верить, что война станет *мировой*» (с. 13). Так или иначе, у Булдакова и Леонтьевой «нет сомнений, что наибольшую лепту в разжигание войны внесли престарелый Франц-Иосиф и “сумасбродный” кайзер» (с. 14). Собственно с тем, что «в сложившейся ситуации» Николай II «всё равно бы не смог» уклониться от «столкновения» с Германией, согласится, пожалуй, большинство историков²⁴. При этом сами авторы убеждены, что «вопрос о степени адекватности тех или иных правителей новым историческим реалиям вовсе не выводит на понимание подлинных причин войны». «Недостаточная компетентность управления — постоянно действующая величина истории, — считают исследователи, — и то, что она порой зашкаливает, чаще бывает вызвано объективными обстоятельствами. К началу XX века в Европе возник качественно новый, скрытый от современников, дисбаланс сил, который и определил поворот в её судьбе независимо от государственных мужей» (с. 27). Будучи принципиальными противниками «конспирологии» и сосредоточившись на анализе неувиденного историческими деятелями, Булдаков и Леонтьева невольно впадают в другую крайность и иногда забывают о том, что же лежало на этой самой «видимой поверхности». Порою даже создаётся впечатление, будто в России никаких заговоров вовсе не бывало (см. с. 319).

Булдаков и Леонтьева особо обращают внимание на то, что «свои цели в войне и российские правители, и общественность определили достаточно поздно». Более того, «единого мнения на этот счёт не было»: «Часть высших политиков и общественности, вопреки реальным возможностям, вдохновляемая не столько экономическими соображениями, сколько славянофильскими иллюзиями, рассчитывала навсегда завладеть черноморскими проливами и вновь утвердить крест на Святой Софии» (с. 44). В то же время авторы книги полемизируют с теми западными учёными, которые уверены, будто Россия летом 1914 г. объявила мобилизацию «вовсе не из-за Сербии, а исключительно для того, чтобы получить контроль над Константинополем и проливами» (с. 44). Но если конкретную выгоду от участия в смертельно опасной схватке Россия не могла не только получить, но даже сколько-нибудь точно очертить, следовало ли вмешиваться в борьбу Австро-Венгрии с великосербскими грёзами Белграда?

Специально рассмотрев представления российских либералов о возможных выгодах войны, авторы монографии сделали парадоксальный вывод о том, что оппозиционная общественность считала её «едва ли не единственным средством избавления от застоя» (с. 60). Но и в правительственных кругах на войну возлагали надежды. В книге убедительно показано, что «эйфория 1914 года» являлась частью агитационно-пропагандистского мифотворчества воюющих держав, тогда как для населения неверие в победу было не менее характерно, чем ура-патриотизм²⁵. Между тем, напоминают Булдаков и Леонтьева, «исто-

²⁴ См.: Тютюкин С.В. Первая мировая война и революционный процесс в России (роль национально-патриотического фактора) // Тютюкин С.В. Десять лет в журнале «Отечественная история». М., 2005. С. 182.

²⁵ Возможно, идеи и выводы Булдакова и Леонтьевой выглядели бы ещё более убедительно, если бы опирались на количественные подсчёты. Авторы приводят немало цифр из источников

рический самообман обходится дорого. “Оптимистическая эсхатология” легко приобретает революционную перверсию» (с. 83).

Изучив материалы перлюстрации, авторы констатировали противоречивость массовых представлений о «друзьях-врагах» (с. 128). С одной стороны, по мере усложнения обстановки на фронтах во всех странах усиливалось недоверие к союзникам (с. 126). Так, в России «наиболее отчётливо антианглийские ноты зазвучали» осенью 1916 г., прежде всего — в кругу правых политиков. Но и простой обыватель в ноябре жаловался родственнику на «начало английского засилья вместо немецкого» (с. 127). С другой стороны, интеллектуальная «элита», напротив, демонстрировала беспокойство за «имидж России в глазах союзников, который к 1917 г. оставлял желать лучшего» (с. 128). По мнению Булдакова и Леонтьевой, «столь противоречивые представления... обычно характерны для безынициативной общественной среды» (с. 128). Разобщённость русского общества достигла в годы Первой мировой войны своего апогея. И всё же трудно согласиться с хлестким заявлением о том, что «вся российская партийно-политическая система работала на самоуничтожение, а не на организацию страны для победы» (с. 372).

В этих условиях балансировать «между ненавидевшими друг друга силами власть не могла» (с. 352). Характерно, что о необходимости заключения сепаратного мира накануне революции всё чаще задумывались представители самых разных течений и партий (с. 348). Подписание Брестского мира, заключённого от безысходности и в силу категорического нежелания армии воевать неизвестно за что, по мнению авторов, не завершало войну, а означало лишь её переход «в иное измерение», и «вовсе не в то, на которое рассчитывали большевики»: с накопившимися проблемами «нельзя было поступить как с гордиевым узлом, ибо они пропитали души людей» (с. 696—697). Однако в дальнейшем, по справедливому замечанию авторов, «именно вера и решительность большевиков обезоруживала тех, кто, казалось бы, должен был восстать против них» (с. 684). При освещении событий, предшествовавших падению Временного правительства, у исследователей «создаётся впечатление, что руководители противостоящих лагерей действовали почти вслепую, но при этом за антибольшевистскими силами стояла слабеющая инерция слепой репрессивной машины, а за их противниками — энергия растущего хаоса» (с. 661).

В большом и сложном исследовании неизбежно встречаются те или иные — досадные или забавные — *qui pro quo*. Есть они и в книге Булдакова и Леонтьевой. Так, в тексте встречается «Кузьма Минин, герой 1612 года» (с. 576), будто бы упомянутый в письме Андрея Белого. «Хрусталёвы, Ленины, Минины “демократичнее”», — сообщал он Р.В. Иванову-Разумнику 16 июня 1917 г. (с. 575). При этом в данном случае речь явно шла о председателе Царицынского городского Совета рабочих и солдатских депутатов С.К. Минине. Непонятное же

и литературы, однако контент-анализ не применяют, хотя при работе с перлюстрированной корреспонденцией этот метод, безусловно, позволил бы более наглядно показать происходившее в обществе изменение отношения к войне. Частично данный материал просчитан в статье: Измозик В.С. Настроения российского общества в годы Первой мировой войны (по материалам перлюстрации) // Исторические чтения на Лубянке. Ч. 1. 2014 год. М., 2015. С. 57—71.

авторам прозвище «социал-дьячок» (с. 576) объяснялось просто: Сергей Константинович родился в семье священника.

Владислав Аксёнов: Эмоции как фактор революции

*Vladislav Aksenov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow):
Emotion as a factor of revolution*

Известные учёные В.П. Булдаков и Т.Г. Леонтьева, уже давно успешно изучающие социокультурные явления и процессы, наблюдавшиеся накануне и в период революции и Гражданской войны в России²⁶, в своей новой книге погружаются в исследование предвоенных настроений русского общества, распространённых в нём образов врагов и союзников, динамики и особенностей религиозных и патриотических чувств, социальных и этнических конфликтов, роли партий в революционизации масс, изменения экономического потенциала страны в годы войны, и т.д. Этот уникальный труд, развивающий и углубляющий прошлые научные изыскания, выгодно отличается от большинства коллективных монографий концептуальной и стилистической целостностью.

Авторы избегают метанарративных концепций, навязывающих прошлому несвойственные для него шаблоны современности, и полагают, что история пока ещё не выработала универсального языка, позволяющего описывать механизмы развития человеческого общества (с. 11). Вместе с тем Булдаков и Леонтьева нащупывают те темы, которые лейтмотивом проходят через всю историю российской смуты XX в. и помогают понять её природу. Одна из них — патерналистские отношения общества и государства, сохранившиеся в массовой психологии значительной части россиян и препятствовавшие модернизационным процессам, проходившим в социальной, экономической и отчасти политической сферах. Другой сюжет, тесно связанный с патернализмом, основанным на архаичных связях между младшими и старшими членами рода, — насилие, особенно остро проявляющееся в кризисные эпохи. Третья проблема — человеческие эмоции, в определённые моменты истории блокирующие рациональное восприятие действительности и порождающие аффекты, в которых, опять-таки, велика роль насилия. В монографии Булдакова и Леонтьевой отражён процесс накопления в обществе эмоционального напряжения, вылившегося затем в революцию.

Эмоциональное начинало превалировать над рациональным ещё во время патриотической эйфории лета—осени 1914 г. Авторы обращают внимание на особенности официальной пропаганды и поведения подданных Российской империи, которое определялось широким спектром мотивов: от эсхатологической покорности и искреннего желания защитить родину до жадности лёгкой наживы за счёт выпуска соответствующей продукции. Не случайно в монографии упоминается о «карнавальном эффекте» мобилизации, свойственном всем странам-участницам мирового конфликта. На квазипатриотической волне известные персоны нередко опешивали дело благотворительности, обращали сакральное в профанное и наоборот. Булдаков и Леонтьева приводят примеры того, как поездки на фронт знаменитых особ с целью поддержать армию

²⁶ См., например: *Булдаков В.П. Красная смута...*; *Булдаков В.П. Хаос и этнос...*; *Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс. Православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX вв.* М., 2002.